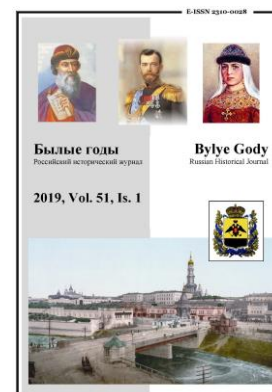

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 262-271. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.262
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

P.A. Valuev and the Formation of Government Policy in Relation to the Western Territory (1861–1865)

Maxim N. Krot ^{a, b, *}, Anatoly I. Narezhny ^b

^a Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky, Russian Federation

^b Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the development of the concept of government policy towards the Western Territory in the first half of the 60s of the XIX century, when the country entered a period of broad modernization transformations. The contradictory and indecisive policies of the imperial authorities regarding one of the most “problematic” suburbs in the first years of the reign of Alexander II contributed greatly to the exacerbation of the situation in the region, which led to the beginning of an open uprising in Poland in early 1863. As a result, a controversy is underway in the reconstituted Western Committee on the development of a new management model for the Western Territory, one of the most active of which was Minister of the Interior P.A. Valuev. They were offered a compromise program focused on integrating the region into a single imperial space, establishing contacts with the loyal part of the Polish elite, supporting the Orthodox peasant population and comprehensively strengthening the Russian principle in the province. Another approach to this problem was defended by the Governor-General of the Western Territory M.N. Muravyev, who was a supporter of the dominant power methods and the suppression of the Polish beginning in the province. The article presents a comparative analysis of the main provisions of these concepts, set out in notes reviewed at meetings of the Western Committee, which made it possible to establish the existence of an internal ideological unity of these approaches with a different understanding of the methodology for their implementation.

The authors conclude that Valuev built his policy concept on the Western Territory in a single context with the general process of modernization of Russia, since its success was largely due to the need to reorganize the government apparatus of the Russian Empire and the success of the planned and ongoing reforms in Russia.

Keywords: Russian Empire, Western Territory, Poland, the Great Reforms of the 60–70s XIX century, the Polish uprising of 1863–1864, Alexander II, P.A. Valuev, M.N. Muravyev, Western Committee.

1. Введение

Новый виток модернизации, начавшийся в России с приходом к власти Александра II, актуализировал необходимость выработки новой концепции политики имперских властей в отношении национальных окраин. Характерной особенностью самодержавной власти является личностный характер формирования стратегии различных направлений внутренней политики. В силу этого обстоятельства политический процесс в России представлял собою поле идейного взаимодействия и противостояния конкретных носителей государственной власти. Это обуславливает необходимость изучения идейного противостояния в высших эшелонах власти в отношении

* Corresponding author

E-mail addresses: mnkrot@sfedu.ru (M.N. Krot), ain@sfedu.ru (A.I. Narezhny)

Западного края, который в начале 1860-х гг. являлся наиболее «проблемной» национальной окраиной Российской империи.

В данный период в российском правительстве сформировалось несколько подходов к решению проблемы Западного края. Одну из наиболее взвешенных и компромиссных программ, ориентированных не только на силовое «покорение» края, но, в первую очередь, на его органическое приобщение к единому имперскому пространству, выдвинул один из наиболее видных государственных деятелей эпохи Великих реформ, министр внутренних дел Петр Александрович Валуев. Именно к нему Александр II обратился с предложением «принять на себя роль Ростовцева» по делам Западного комитета. В силу этого проблему борьбы идей и поиска адекватных путей выстраивания политики в отношении национальных окраин следует рассматривать как составную и неотъемлемую часть формирования общей программы Великих реформ 1860–1870-х гг. Однако реализация данной программы подверглась некоторой корректировке в силу объективных обстоятельств. Польское восстание, вспыхнувшее в начале 1863 года, побудило правительство прибегнуть не только к его силовому подавлению, но и принятию репрессивной модели управления краем, которая была сформулирована и апробирована генерал-губернатором Михаилом Николаевичем Муравьевым. Анализ и сопоставление основных подходов к управлению Западным краем, предлагаемых Валуевым и Муравьевым, позволит не только составить полное представление о политике имперских властей в отношении этого региона в данный период, но и рассмотреть сам механизм принятия управленческих решений в аппарате власти Российской империи.

2. Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи составили как опубликованные документы, так и архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот, отражающие полемику в высших правительственных кругах по вопросу выработки концепции политики в отношении Западного края. Среди них особое значение для рассматриваемой темы имеют записки П.А. Валуева, журналы заседаний Западного комитета, записки отдельных его членов, в частности графа П.П. Гагарина, а также записки М.Н. Муравьева и дневник П.А. Валуева, в котором отражена его позиция по многим вопросам внутренней политики России.

В основе теоретико-методологического инструментария изучения данной проблемы лежат классические методы исторического исследования, такие, как историко-сравнительный, позволяющий выявить точки пересечения и концептуальную основу расхождений в программах правительственной политики в отношении Западного края, и историко-генетический, дающий возможность проследить становление и идейно-теоретические основы рассматриваемых концепций. Изучение роли личностей в формировании правительственной политики осуществляется в рамках методологии персональной истории, где основным исследовательским объектом выступают персональные тексты, в которых раскрывается самоидентификация личности, ее интересы, индивидуальный рациональный выбор. Поскольку формирование правительственной политики в отношении Западного края происходило в контексте трансформации политического курса самодержавия в эпоху Великих реформ 1860–1870-х годов, представляется целесообразным рассмотреть данную проблему в исследовательском поле теории модернизации.

При анализе взглядов Валуева по основным принципам политики в отношении национальных окраин следует исходить из понимания власти, предложенного французским ученым М. Фуко, согласно которому она представляет собой поле социального взаимодействия различных сил и личностей, своеобразную «игру», в рамках которой сталкиваются и трансформируются различные стратегии, воплощающиеся в многообразных институциональных формах, законах или формах социального господства (Фуко, 1996: 191–192). В рамках такого подхода позиция Валуева может рассматриваться как отдельная партия в политической симфонии российской власти, взаимообусловленная ее стратегическими интересами и целями.

3. Обсуждение

Процесс выработки концепции правительственной политики в отношении национальных окраин в период Великих реформ длительное время не был предметом специальных исследований. Общим местом отечественной историографии являлось отрицание самого факта существования единой четкой концепции, лежащей в основе данного направления правительственной политики. Оценки действий власти сводились, как правило, к характеристике взглядов действующего самодержца и отдельных представителей правящей элиты по конкретным вопросам. В исследованиях, посвященных политической деятельности и воззрениям П.А. Валуева, данный вопрос также не являлся предметом самостоятельного изучения и рассматривался в контексте общей характеристики политического развития пореформенного самодержавия и его наиболее видных представителей.

Начало довольно обширной историографии деятельности П.А. Валуева было положено подробным и достаточно объективным биографическим очерком П.А. Зайончковского, предваряющим публикацию дневника министра внутренних дел. В данной публикации, являющейся практически первой попыткой научного осмысления позиции министра в отношении западных

окраин, признавалась «особенность» его взглядов по целому ряду вопросов внутренней политики в среде российской правящей элиты. Советский исследователь отмечал, что, «занимая в польском вопросе позицию, несколько отличающуюся от официальной, и признавая необходимость известных уступок в решении национального вопроса, Валуев весьма критически относится к действиям властей» (Зайончковский, 1961: 6). Общий анализ вклада Валуева в выработку внутривнутриполитического курса пореформенного самодержавия был осуществлен в исследованиях Л.Г. Захаровой и В.Г. Чернухи (Захарова, 1968; Захарова, 1984; Чернуха, 1978; Чернуха, 1994).

В постсоветский период государственная деятельность Валуева и его политические воззрения рассматривались в исследованиях С.С. Секиринского (Секиринский, 1997) и А.В. Мамонова (Мамонов, 2013).

При достаточно значительном количестве исследований, посвященных Валуеву, представляется несколько удивительной заметная неопределенность суждений авторов относительно его политических предпочтений. Справедливости ради следует отметить, что большинство исследователей относит его к консерваторам, хотя и с некоторыми оговорками. Пожалуй, наиболее серьезную корректировку данной характеристики предложила В.Г. Чернуха, которая, детально проанализировав политическую программу Валуева, назвала его либерал-консерватором (Чернуха, 1994: 104). По сути, соглашался с такой оценкой и американский историк А.Дж. Рибер (Рибер, 1992: 50–51). Другие исследователи идут еще дальше, напрямую характеризую Валуева как «реформатора» (Римский, 1998).

Различные аспекты концептуального оформления и практического воплощения имперской политики в отношении западных окраин раскрываются в исследованиях А.И. Миллера (Миллер, 2000) и М.Д. Долбилова (Долбилов, 2010). В 2006 году в серии «Окраины Российской империи» вышла работа «Западные окраины Российской империи», открывшая новые подходы к изучению данной темы, однако не все ее направления в представленном исследовании изучены одинаково основательно (Западные окраины, 2006). Ее авторы указывают на отсутствие единой политической линии и последовательного курса в окраинной политике правительства, подчеркивая ситуативность и спонтанность многих мер, представлявших собой, как правило, реакцию на поведение элит соответствующих территорий («интриг») и возникновение кризисных ситуаций (Западные окраины, 2006: 7).

В полной мере это проявилось при рассмотрении процессов выработки и осуществления мер в отношении Западного края в период польского восстания 1863 года. Следует особо отметить работы А.А. Комзоловой (Комзолова, 2005: 162, 170, 189) и Э.П. Федосовой (Федосова, 2015: 189), в которых детально исследуются различные аспекты противостояния Валуева и Муравьева при формировании правительственной политики в Западном крае. Историками признается «наличие двух программ с различающимися подходами к действиям правительства в Северо-Западном крае», а также тот факт, что «наиболее последовательным противником М.Н. Муравьева в правительственных «верхах» был П.А. Валуев», который имел «свое представление о государственной политике в Северо-Западном крае» (Федосова, 2015: 162).

4. Результаты

Петра Александровича Валуева с полным основанием можно назвать одним из наиболее талантливых и влиятельных государственных деятелей эпохи царствования Александра II. Представитель старинного знатного дворянского рода, получивший прекрасное домашнее образование, он еще в юном возрасте был удостоен внимания императора Николая I как один из самых блестящих молодых людей своего времени. Благодаря образованию и высокой трудоспособности он уже в 30 лет приобрел известность в правительственных кругах, получив пост чиновника по особым поручениям при рижском генерал-губернаторе. Именно Валуев, занимая пост курляндского генерал-губернатора, в 1855 году одним из первых выступил с резкой и аргументированной критикой системы государственного управления николаевской эпохи, изложенной им в получившей широкую известность записке «Дума русского» (Валуев, 1999). Выступление Валуева являло собой важную веху в перерастании патриотического подъема периода Крымской войны в общественно-политическое оживление русского общества во второй половине 1850-х годов, прямым следствием которого стало проведение Великих реформ (Krot, Zav'yalova, 2016: 132). В 1861 году он занял влиятельный в тогдашней России пост министра внутренних дел, дававший ему возможность выработать внутривнутриполитический курс в течение многих лет.

Сложности, с которыми сталкиваются исследователи при характеристике политических воззрений Валуева, во многом обусловлены неоднозначным характером его воззрений, представлявших собой сложное переплетение либерально-реформационных и консервативно-охранительных идей. Зайончковский указывал на то, что министр «не примыкал целиком ни к одной из правительственных группировок: ни к либеральным бюрократам – сторонникам буржуазных преобразований, ни к реакционерам – крепостникам» (Зайончковский, 1961: 28).

Концепция правительственной политики в отношении западных окраин империи, отстаиваемая Валуевым, сложилась в период Польского восстания 1863–1864 гг. в ходе острого противостояния с его «усмирителем», генерал-губернатором М.Н. Муравьевым, сторонником

жесткой силовой модели управления Западным краем. По оценке самого Валугева, системное противостояние этих политиков и отстаиваемых ими подходов пришлось на время, когда Муравьев «с мятежом справился и начал пересоздавать край, законодательствуя и распоряжаясь по своему благоусмотрению» (Дневник Валугева, 1961: 351). Министр просвещения А.В. Головин, сам не одобрявший политики М.Н. Муравьева, «видя в ней крайнюю систему самовластия, отсутствие всякой законности, произвол, основанный на страсти и сопровождаемый жестокостью», отмечал, что именно Валугев открыто оказывал «противодействие жестокому самоуправству Муравьева в Западных губерниях» (Головин, 1997: 115, 126). При этом нельзя не признать, что наличие различных подходов к преодолению проблемной ситуации имело весьма позитивное значение, способствуя выработке наиболее оптимальной модели ответа на вызов действительности. Следует согласиться с точкой зрения, согласно которой дифференциация мнений по различным проблемам как в общественных, так и в правительственных кругах, ставшая одним из знаковых явлений эпохи Великих реформ, способствовала ускорению общественного прогресса, хотя и в значительной степени затрудняла сам процесс управления, предъявляя к власти новые требования (Ustinovich, 2015: 83).

Формирование представлений Валугева о путях оптимизации окраинной политики империи началось задолго до польского восстания 1863 года. В этой связи требует уточнения представление некоторых историков о том, что «доминантой этого противоборства (Валугева и Муравьева – А.Н., М.К.) стало столкновение концепций преобразований», при том, что оно связывается с запиской Валугева от 12 декабря 1862 года, когда о столкновении с Муравьевым речь не шла вовсе (Федосова, 2015: 172). Размышляя о содержании правительственной политики в отношении окраин, Валугев выделял две ключевые проблемы, сводившие на нет ее эффективность.

В первую очередь, он указывал на отсутствие у власти сколько-нибудь плодотворных идей, способных увлечь население национальных окраин. 6 декабря 1863 года, описывая в дневнике протесты поляков, Валугев отмечал: «У них идея. У нас – никакой. В западном крае и в царстве повторяются теперь проскрипции Мария и Суллы. Это не идея. Мы говорим о владычестве России или православия. Это идея для нас, а не для поляков, и мы сами употребляем их названия неискренно. Здесь собственно нет речи о России, а речь о самодержце русском, царе польском, конституционном князе Финляндском. Это не идея, а аномалия. Нужна идея, которую мог бы усвоить хотя бы один поляк» (Дневник Валугева, 1961: 29).

Другой проблемой, по мнению Валугева, являлась чрезвычайная разобщенность системы управления в стране, на что он неоднократно указывал в своих докладах и записках государю, заявляя, что в России нет «органически действующего правительства». Основные направления внутренней и внешней политики вырабатывались и реализовывались изолированно друг от друга. Единственным координирующим началом выступал исключительно сам монарх, однако этого было совершенно недостаточно, поскольку правительственная деятельность есть «деятельность непрерывная», а верховная воля «может проявляться только отрывочно». Эффективность такой модели управления не могла быть высока как вследствие ограниченности уровня компетенции государя, так и из-за отсутствия «всякой солидарности интересов» начальников правительственных частей. В условиях существующего порядка, когда в правительстве отсутствовало единство мысли и действия, министры вели себя «не как советники, но как приказчики. Не перед государем и для государя, а перед барином и для барина» (Дневник Валугева, 1961b: 92), а на местах процветало самоуправство генерал-губернаторов, проведение какой-либо целенаправленной политики без серьезной модернизации системы государственного управления, по мнению Валугева, было невозможно.

Признание наличия отмеченных проблем повлекло за собой решение Александра II воссоздать Западный комитет во главе с князем Гагариным, в котором должна была выработаться единая линия политики относительно западных окраин.

Исходный материал для работы Западного комитета изначально был представлен Валугевым в «Очерке о положении дел в Западном крае» и дополнениях к нему, датированных 11 декабря 1862 года. Детальная характеристика положения дел в Западном крае и попытка осмысления масштаба проблем были представлены им и во Всеподданнейшей записке от 12 декабря 1862 года. В архиве Валугева сохранилась копия данного документа с многозначительными пометками государя.

Записка начинается с характеристики правительственной политики в Западном крае, к результатам которой автор относится весьма скептически, отмечая, что «в течение тридцати лет Правительство не достигло в отношении к сближению Западного края с коренной Россией никаких положительных результатов» (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 1). Также скептически Валугев оценивает и деятельность правительства в течение «последних 18 месяцев», когда ситуация в Польше стала стремительно обостряться, называя «паллиативными» результаты усилий «к охранению общественного порядка в крае и к обеспечению его связи с Империей». Меры, принимаемые правительством, «почти все основаны на устрашении» и силе, что, по мнению автора, не может давать положительного эффекта в длительной перспективе, возбуждая еще большее недовольство польского населения (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 4). Анализ недостатков прежней политики сочетается у Валугева с поиском неких пограничных условий статуса западных земель в составе империи. В этом отношении автор весьма категоричен. По его убеждению, западные губернии

должны быть неотъемлемой составной частью страны, здесь «не может быть допускаемо отдельных областных учреждений, существенно различающихся от общих губернских учреждений Империи», официальным, а, следовательно, господствующим, языком «может быть только Русский язык», и, наконец, «православная церковь должна быть первенствующей». Александр II был вполне согласен с таким подходом по каждой из приведенных позиций (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 1).

Поставив данную стратегическую цель, Валуев невольно признает невозможность полностью отказаться от силовых методов, что проявилось в обсуждении вопроса о предложении «предоставить польским помещикам переселиться в Царство, с продажей в известный срок принадлежащих им в империи имений». Валуев отмечал, что поскольку пользоваться этим правом добровольно шляхта не желает, то эта цель может быть реализована только «в форме обязательного переселения». Несколько нерешительный тон автора дополняется нерешительностью монарха, пометившего на полях: «разумеется, если мы решимся к ней прибегнуть» (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 6). Министр внутренних дел подчеркивает, что поскольку польский элемент остается в силе, то «правительственные меры могут быть направлены только к тому, чтобы ослабить этот элемент и затем примирить его с понятиями о его неразрывной связи с Россией» (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 6). Валуев признает сложность этой задачи, но надеется, что ее решению будут способствовать «последовательность и стойкость правительственных распоряжений, сила частных интересов и чувства общего благосостояния» (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 7).

В историографии сложилось устойчивое убеждение в том, что в данном тезисе выражена суть представлений Валуева. Однако при такой трактовке остаются незамеченными меры, предлагаемые им на период до установления прочного соединения края с империей, призванные «сдерживать всякое против него направленное движение», а также разъединять «неприятельные силы», препятствуя их приращению. Для достижения данных целей министр внутренних дел предлагал восстановление таможенной пограничной черты между империей и Царством, против чего сразу возразил царь, пересмотр настоящего разграничения губерний, «поддержание осторожной рукой всякого нерасположения крестьян и помещиков», быстрое учреждение сельских школ «на основаниях, обеспечивающих не только поддержание, но и распространение Русской народности в крае», «немедленное оказание пособий Православным церквам и духовенству в западных губерниях» при одновременном предоставлении им «известных прав участия в управлении школами» и всяческом усилении ее роли (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 7). Содержательно данные предложения во многом совпадали с планами и мерами Муравьева, с той лишь разницей, что Валуев был менее эмоционален в методах их проведения.

Отдельный раздел рассматриваемого плана был посвящен характеристике «мер карательных», от использования которых Валуев не отказывался. Они включали в себя «судебное преследование во всех случаях, где оно возможно, по примерам Пруссии и Австрии», при одновременном сокращении случаев административных взысканий (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 9–10). В исключительных случаях допускались также и административные меры, объявление военного положения, суд «по полевым законам», но непременно при твердом, последовательном и неуклонном их применении (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 10).

Силовой компонент программы Валуева можно проследить и в мерах воздействия на материальные интересы мятежников, к которым относилось «обращение тягости содержания войск» на те слои народонаселения, «которые своими поступками вызовут необходимость этой меры или будут участвовать в манифестациях», поземельный добавочный налог на землевладельцев на покрытые «чрезвычайных издержек по управлению краем», обращение на них «расходов по реформированию губерний», а также «невыгодные условия при обязательном выкупе» (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 11). Валуев особо подчеркивал, что успех данных мероприятий будет «невозможен при отсутствии взаимного содействия между генерал-губернаторами и Министерством внутренних дел», на что Александр II отозвался резолюцией: «вот почему я и возобновил Западный Комитет» (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 11).

Безусловно, стратегическая цель приобщения Западного края к единому имперскому пространству, по мнению Валуева, может быть достигнута не только силовыми методами. В заключительной части своей записки он осторожно намекал на возможность призыва экспертов из западных губерний для решения насущных проблем края, возможность чего не исключал и император, необходимость привлечения в Петербург «влиятельных лиц из уроженцев Западного края». Тщательно преграждая пути к распространению польского языка и католицизма в народных массах, Валуев призывал не делать этого в высших слоях населения, поскольку «эти элементы насильно надавлены быть не могут». Он считал возможным разрешить свободно употреблять и изучать польский язык в качестве языка неофициального, а также восстановить работу Виленского университета (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 12). Министр внутренних дел выражал уверенность в том, что последствия принятых и планируемых мер, успокоение в Западном крае и преуспевание внутренних областей страны вследствие проводимых в стране преобразований неизбежно приведут к возрастанию «числа отпавших» от революционного движения и окончательному закреплению края в составе империи.

Обсуждение вопросов, поставленных Валугевым, уже на первом заседании Западного комитета выявило значительные расхождения в позициях его членов. Особый интерес представляют замечания весьма авторитетного бюрократа и политика, князя П.П. Гагарина, высказанные им в нескольких записках. Он подчеркивал, что стратегическая цель правительства состоит не в том, чтобы «окончательно соединить край с Россией», так как он уже есть наш, а в том, чтобы «окончательно сделать невозможным даже попытку отторжения его от России» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 21. Л. 124).

Гагарин выступал против поощрения раздора между крестьянами и помещиками, что было противно самой сущности правительственной деятельности, призванной соблюдать порядок и законность. По отношению к местной элите он предлагал продолжать политику «умиротворения», воздерживаясь «от всяких мер, не оправдываемых строгой справедливостью или крайней нуждой и могущих раздражать население» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 21. Л. 101). На места предлагалось передать ряд вопросов, в том числе такого чувствительного, как преподавание народу и богослужение «на местном наречии» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 21. Л. 105). По вопросу оказания всесторонней помощи православному духовенству Западного края позиция Гагарина в полной мере совпадала с точкой зрения Валугева. Князь считал православную церковь силой, наиболее близкой к народным массам, обладающей огромным влиянием, которое нужно «в интересах порядка и благоустройства», а посему его поддержка со стороны властей становится едва ли не ключевой линией правительственной политики в регионе (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 21. Л. 132).

Иначе развивалась дискуссия Валугева с генерал-губернатором Западного края М.Н. Муравьевым, с которым в конце 1863 – начале 1864 гг. они активно обменивались письмами, анализ которых свидетельствует о наличии у них различных подходов к решению проблем Западного края. Расхождения эти касались как частных вопросов, например, оснований высылки и характера размещения поляков, принудительно направляемых во внутренние области империи (Муравьев настаивал на размещении высылаемых «по политической неблагонадежности» поляков в наиболее отдаленных пунктах империи – на крайнем севере, в целесообразности чего Валугев высказывал осторожные сомнения) (Переписка Муравьева, 1883: 194–204), так и общих методов реализации правительственной политики на западных окраинах империи.

В концептуальном смысле ответ Муравьева содержится в его записке «О некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края» от 14 мая 1864 года, которая обсуждалась в Западном комитете. Основная идея документа состояла в том, что, несмотря на подавление польского мятежа и усмирение края, возвращение к «прежней системе уступчивого управления» недопустимо (Муравьев, 1885а: 186). Генерал предлагал признать край «окончательно русским» и принять «деятельные меры к подавлению пришлого Польского элемента».

Следует признать, что предлагаемые Муравьевым меры «для утверждения Русского владычества» не отличаются оригинальностью. К ним относятся укрепление русской народности и православной веры в крае, устройство быта крестьян, распространение народного образования, замещение чиновниками русского происхождения высших служебных мест в крае, привлечение в край русских крестьян и землевладельцев, а также «изгнание из края всех тех, которые участвовали в мятеже и крамолах и недопущением их возвращаться на родину» (Муравьев, 1885а: 187). Идея Валугева об установлении противостояния крестьян с помещиками вполне разделяется и развивается Муравьевым, предлагавшим предоставлять крестьянам право отсрочки оброчных платежей без взыскания пеней (Муравьев, 1885а: 187).

Большую роль в деле водворения русского начала в Западном крае Муравьев отводил народному образованию, которое он предлагал полностью изъять из польских рук и по возможности передавать в руки православного духовенства. Крайне категоричен генерал в отношении гимназий и прогимназий, число которых он призывает максимально сократить как вследствие дороговизны содержания, так и в силу того, что «даже православные, которые получили образование в сих гимназиях и училищах, с особенным чувством озлобления против России содействовали мятежникам» (Муравьев, 1885а: 189–191). Сэкономленные средства предлагалось направить на открытие русских училищ, а также нескольких женских гимназий взамен частных женских пансионов, «в коих сосредоточивается вредная язва Польской фанатической пропаганды». Из всех учебных заведений требовалось исключить преподавание польского языка, а также запретить продажу польских букварей ввиду того, что «в оных намеренно везде распространяются мысли об отделении Северо-Западного края от России» (Муравьев, 1885а: 190).

В наибольшей степени конфронтационный пафос записки Муравьева проявился в вопросе о мерах относительно римско-католического духовенства. Он предлагал немедленно упразднить монастыри, которые «принимали большее или меньшее участие в восстании», установить жесткий контроль начальника края над всеми вопросами деятельности католической церкви – от поступления в монашество и определения ксендзов в приходы до учреждения и возобновления работы костелов (Муравьев, 1885а: 193).

Административная жесткость, пронизывавшая весь рассматриваемый документ, особо проявлялась в его заключительной части, где говорилось о введении русского языка во всех официальных сношениях, колонизации края русскими, о высылке «в видах административного взыскания» неблагонадежных лиц, а также о необходимости создания квот для учащихся в

великорусских учебных заведениях поляков, число которых там не должно было превышать 1/10 от всего числа учащихся (Муравьев, 1885а: 194–195).

Валуев весьма критически оценивал предложения Муравьева, усматривая главный недостаток в том, что «общий характер записки – употребление силы, во всех ее видах. Другого начала нет...» (РГИА. Ф. 908. Оп. 1 Д. 536. Л. 300). При этом примечателен тот факт, что с основными идеями записки, такими, как возвышение в Западном крае русской народности и православной церкви, он был принципиально согласен, отмечая, что средства к достижению этих целей указываются генерал-губернатором «с замечательною неразборчивостью».

Спор Валуева с Муравьевым разрешился на заседаниях Западного комитета 17 и 19 мая 1864 года. На них обсуждалась записка Муравьева, но опосредованно были даны ответы на вопросы и предложения, сформулированные Валуевым. Члены комитета безусловно поддержали тезис о признании Северо-Западного края составляющим «древнее достояние России», согласились с необходимостью не допускать в крае польской пропаганды и принимать «строгие и неуклонные меры для противодействия польскому элементу, чуждому стране и враждебному законному Правительству и русской народности» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 346. Л. 21). В силу этого были одобрены предложения по поддержке православного духовенства в крае, водворению русского элемента в край посредством поселения русских крестьян и продажи имений русским всех сословий, замещению русскими высших служебных постов, а также по усилению надзора за католическим духовенством в целях противодействия его антиправительственной пропагандистской деятельности (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 346. Л. 22).

Иначе выглядела ситуация с принятием решений по другим предложениям записки Муравьева. Вопрос устройства быта крестьян по формальным основаниям был отложен. Крайне неохотно члены комитета согласились разрешить отсрочку оброчных платежей, настояв на необходимости информирования по каждому из таких случаев непосредственно министра финансов. Идея восстановления таможенной линии в Царстве Польском, предлагаемая Валуевым, была отвергнута. Предложения в сфере образования были также отложены для согласования их с Министерством народного просвещения. Острые споры в Комитете развернулись по вопросу о введении 10 % квоты в российских учебных заведениях для польских студентов. Это предложение было поддержано четырьмя членами комитета, в то время как семеро высказалось за предоставление принятия подобного решения руководству учебных заведений. Принципиально против данного подхода высказался только министр просвещения Головин, заявив, что было бы крайне несправедливо лишать уроженцев Западного края (который, как это постоянно утверждалось, есть край русский) «без всякой с их стороны вины и единственно по их происхождению средств общественного образования, одинаково доступных для всех подданных Его Императорского Величества» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 346. Л. 31–32). Александр II не принял во внимание данные возражения, утвердив мнение меньшинства «как меру временную, впредь до дальнейшего усмотрения» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 346. Л. 33).

Свой подход к управлению Западным краем Муравьев продолжал отстаивать и развивать и в дальнейшем. Подводя итоги своей деятельности в крае в «Записке, лично представленной Государю Императору в Петербурге 5 апреля 1865 года», генерал подчеркивал, что единственным средством его удержания под властью империи является подавление в нем польского элемента (Муравьев, 1885b: 197). Муравьев настаивал на сохранении дискриминационных положений, продолжении репрессивной политики в отношении неблагонадежных элементов. Крестьяне рассматривались им как главный оплот русского владычества в крае, в связи с чем указывалась необходимость поставить их «в полную независимость от владельцев-поляков, всегда нам враждебных» (Муравьев, 1885b: 198). Генерал искренне верил в то, что жесткая правительственная политика, моральное перерождение и полное уничтожение польско-литовской пропаганды сможет упрочить русское владычество в Западном крае (Муравьев, 1885b: 198).

5. Заключение

Модели управления Западным краем, предлагаемые министром внутренних дел П.А. Валуевым и генерал-губернатором М.Н. Муравьевым, легли в основу правительственной политики в отношении данного региона, проводимой фактически на всем протяжении второй половины XIX века. При детальном анализе основных положений предложенных ими программ становится очевидной их внутренняя схожесть, наличие общих стратегических целей. Основные предложения Валуева, направленные на укрепление первенства русского элемента в крае, поддержку православной церкви, деполонизацию системы управления Западным краем, насаждение русского языка, в той или иной степени проводились как Муравьевым, так и последующими генерал-губернаторами. Разница состояла не столько в содержании программ, сколько в методах ее реализации. Основные элементы политики «усмирения» Польши и интеграции ее в единое имперское пространство проводились Муравьевым по-солдатски прямолинейно, по выражению Валуева, с каким-то «дьявольским ожесточением». Министр внутренних дел не отказывался от возможности применения силовых методов для решения проблемы западных окраин, однако в его концепции они носили вспомогательный характер, рассматривались как «крайние меры», направленные на то, чтобы

побудить польские элементы отказаться от конфронтации и склонить их к сотрудничеству. Муравьев же силовое начало ставил во главу угла имперской политики в отношении западных окраин, стремясь к уничтожению, полному подавлению «враждебного России польского начала».

Таким образом, подход Валуева к проблеме интеграции Западного края можно считать концептуально встроенным в общий процесс модернизации России, поскольку окончательный успех имперской политики он ставил в прямую зависимость от успешности задумываемых и проводимых в России в 1860-е годы реформ. Министр внутренних дел подчеркивал, что без серьезной реорганизации высшего управленческого аппарата страны проведение сколь-нибудь осмысленной и единой политики в любой сфере жизни государства и общества представляется невозможным. Исходя из этого, полемику в высших эшелонах российской власти по вопросу о характере имперской политики по отношению к Западному краю можно считать неотъемлемой частью разработки концепции модернизации России во второй половине XIX века, которая должна была стать ответом на многочисленные вызовы современности, от успешности и эффективности которых зависела будущность и целостность Российского государства.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Южного федерального университета (ЮФУ) «Модернизация России: исследовательский опыт и образовательные практики» (проект № ВнГр-07/2017-16).

Литература

- Валуев, 1999 – Валуев П.А. Дума русского во второй половине 1855 года // Крымская война в художественной литературе и документах / Сост. С.Н. Семанов. М.: Вече, 1999. 639 с.
- Головин, 1997 – Головин А.В. Записки для немногих // *Вопросы истории*. 1997. № 1. С. 98–118.
- Дневник Валуева, 1961 – Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: В 2-х т. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 423 с.
- Долбилов, 2006 – Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 206 с.
- Зайончковский, 1961 – Зайончковский П.А. П.А. Валуев (биографический очерк) // Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: В 2-х т. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 17–54.
- Западные окраины, 2006 – Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
- Захарова, 1968 – Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. 178 с.
- Захарова, 1984 – Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 256 с.
- Комзолова, 2005 – Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. 383 с.
- Мамонов, 2013 – Мамонов А.В. П.А. Валуев в «Отголосках» 1879–1880 годов // Историк и художник. М.: Изд-во центр Института российской истории РАН, 2013. С. 225–252.
- Миллер, 2000 – Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.
- Муравьев, 1885а – Муравьев М.Н. Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края 14 мая 1864 года // *Русский Архив*. 1885. № 6. С. 186–197.
- Муравьев, 1885б – Муравьев М.Н. Записка, лично представленная Государю Императору в Петербурге 5 апреля 1865 года // *Русский Архив*. 1885. № 6. С. 197–199.
- Переписка Муравьева, 1883 – Переписка М.Н. Муравьева о поселении лиц, высылаемых из Западной России // *Русская старина*. Т. XXXVIII. Вып. 4. 1883. С. 193–206.
- Рибер, 1992 – Рибер А.Д. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. М.: Изд-во Московского ун-та, 1992. 336 с.
- Римский, 1998 – Римский С.В. Православная Церковь и государство в XIX в. Ростов-на-Дону: Гефест, 1997. 384 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Секиринский, 1997 – Секиринский С.С. Петр Александрович Валуев // Российские консерваторы. М.: Русский мир, 1997. 384 с.
- Федосова, 2015 – Федосова Э.П. Граф М.Н. Муравьев-Виленский (1796–1866): Жизнь на службе империи. М.: Институт российской истории РАН, 2015. 256 с.
- Фуко, 1996 – Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
- Чернуха, 1978 – Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX века. Л.: Наука, 1978. 248 с.
- Чернуха, 1994 – Чернуха В.Г. Государственный деятель 1860-х: Петр Александрович Валуев (1814–1890 гг.) // *Из глубины времен*. 1994. № 3. С. 97–106.

[Krot, Zav'yalova, 2016](#) – *Krot M.N., Zav'lova O.O.* Reflection in Russian public opinion accession to the throne of Emperor Alexander II // *Bylye Gody*. 2016. № 1 (39). pp. 129-136.

[Ustinovich, 2015](#) – *Ustinovich E.S.* The Development of Information Policy of the Russian Empire During the Reign of Alexander II // *Bylye Gody*. 2015. № 1 (35). pp. 81-86.

References

[Chernukha, 1978](#) – *Chernukha V.G.* (1978). Vnutrennyaya politika tsarizma s serediny 50-kh do nachala 80-kh godov XIX veka [The internal policy of tsarism from the mid-50s to the early 80s of the XIX century]. St. Petersburg: The Science Publ., 248 p. [in Russian]

[Chernukha, 1994](#) – *Chernukha V.G.* (1994). Gosudarstvennyy deyatel 1860-kh: Petr Aleksandrovich Valuyev (1814–1890 gg.) [Statesman of the 1860s: Pyotr Aleksandrovich Valuev (1814–1890)]. *From the depths of time*, Nr 3, pp. 97-106. [in Russian]

[Dnevnik Valueva, 1961](#) – *Dnevnik P.A. Valuyeva*, ministra vnutrennikh del. V 2-kh t. (1961). [Diary of P.A. Valuev, Minister of the Interior]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: The Academy of Sciences of the USSR Publ., 423 p. [in Russian]

[Dolbilov, 2006](#) – *Dolbilov M.D.* (2006). Russkij kraj, chuzhaya vera: E`tnokonfessional`naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II [Russian land, alien faith: Ethnic and confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: New Literary Review Publ., 206 p. [in Russian]

[Fedosova, 2015](#) – *Fedosova E.P.* (2015). Graf M.N. Muravyev-Vilenskiy (1796–1866): Zhizn na sluzhbe imperii [Count M.N. Muravyov-Vilensky (1796-1866): Life in the Service of the Empire]. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences Publ., 256 p. [in Russian]

[Foucault, 1996](#) – *Foucault M.* (1996). Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti. Raboty raznykh let [The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow: Castal Publ., 448 p. [in Russian]

[Golovin, 1997](#) – *Golovin A.V.* (1997). Zapiski dlya nemnogix [Notes for few]. *Questions of history*, Nr 1, pp. 98-118. [in Russian]

[Komzolova, 2005](#) – *Komzolova A.A.* (2005). Politika samodержaviya v Severo-Zapadnom kraje v epokhu Velikikh reform [The policy of autocracy in the Northwest Territory in the era of the Great Reforms]. Moscow: The Science Publ., 383 p. [in Russian]

[Krot, Zav'yalova, 2016](#) – *Krot M.N., Zav'lova O.O.* (2016). Reflection in Russian public opinion accession to the throne of Emperor Alexander II. *Past years. Russian Historical Journal*, Nr 1 (39), pp. 129-136. [in Russian]

[Mamonov, 2013](#) – *Mamonov A.V.* (2013) P.A. Valuyev v «Otgoloskakh» 1879–1880 godov [P.A. Valuev in “The Echoes” of 1879–1880]. *Historian and artist*. Moscow: Center of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences Publ., pp. 225-252. [in Russian]

[Miller, 2000](#) – *Miller A.I.* (2000). «Ukrainskiy vopros» v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX veka) [“Ukrainian Question” in the policy of the authorities and the Russian public opinion (second half of the XIX century)]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 260 p. [in Russian]

[Muravyev, 1885a](#) – *Muravyev M.N.* (1885). Zapiska o nekotorykh voprosakh po ustroystvu Severo-Zapadnogo kraja 14 maya 1864 goda [Note on some issues on the design of the North-West Territory May 14, 1864]. *Russian Archive*, Nr 6, pp. 186-197. [in Russian]

[Muravyev, 1885b](#) – *Muravyev M.N.* (1885). Zapiska, lichno predstavlenaya Gosudaryu Imperatoru v Peterburge 5 aprelya 1865 goda [Note personally submitted to the Emperor in St. Petersburg on April 5, 1865]. *Russian Archive*, Nr 6, pp. 197-199. [in Russian]

[Perepiska Muravyeva, 1883](#) – *Perepiska M.N. Muravyeva* o poselenii lits, vysylayemykh iz Zapadnoy Rossii (1883) [Correspondence M.N. Muraveva about the settlement of persons expelled from Western Russia]. *Russian antiquity*. Vol. 38. Is. 4, pp. 193-206. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive].

[Riber, 1992](#) – *Riber A.D.* (1992). Gruppyvyye interesy v borbe vokrug Velikikh reform [Group interests in the struggle around the Great Reforms]. *Great reforms in Russia. 1856-1874*. Moscow: Moscow University Publ., 336 p. [in Russian]

[Rimskiy, 1998](#) – *Rimskiy S.V.* (1998). Pravoslavnaya Tserkov i gosudarstvo v XIX v. [The Orthodox Church and the state in the XIX century]. Rostov-on-Don: Hephaestus Publ., 384 p. [in Russian]

[Sekirinskiy, 1997](#) – *Sekirinskiy S.S.* (1997). Petr Aleksandrovich Valuyev [Petr Aleksandrovich Valuev]. *Russian conservatives*. Moscow: Russian world Publ., 384 p. [in Russian]

[Ustinovich, 2015](#) – *Ustinovich E.S.* (2015). The Development of Information Policy of the Russian Empire During the Reign of Alexander II. *Past years. Russian Historical Journal*, Nr 1 (35), pp. 81-86. [in Russian]

[Valuev, 1999](#) – *Valuev P.A.* (1999). Duma russkogo vo vtoroj polovine 1855 goda [Thought of Russian in the second half of 1855]. *Crimean War in fiction and documents* / edited by S. N. Semanov. Moscow: Veche Publ., 639 p. [in Russian]

Zajonchkovskij, 1961 – *Zajonchkovskij P.A.* (1961). P.A. Valuev (biograficheskiy ocherk) [P.A. Valuev (biographical sketch)]. *Diary of P.A. Valuev, Minister of the Interior*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: The Academy of Sciences of the USSR Publ., pp. 17-54. [in Russian]

Zakharova, 1968 – *Zakharova L.G.* (1968) *Zemskaya kontrreforma 1890 g.* [Zemsky Counter Reform of 1890]. Moscow: Moscow University Publ., 178 p. [in Russian]

Zakharova, 1984 – *Zakharova L.G.* (1984) *Samoderzhaviye i otmena krepostnogo prava v Rossii. 1856–1861* [Autocracy and the abolition of serfdom in Russia. 1856–1861]. Moscow: Moscow University Publ., 256 p. [in Russian]

Zapadny`e okrainy`, 2006 – *Zapadny`e okrainy` Rossijskoj imperii* (2006). [Western outskirts of the Russian Empire]. Moscow: New Literary Review Publ., 608 p. [in Russian]

П.А. Валуев и формирование правительственной политики в отношении Западного края (1861–1865 гг.)

Максим Николаевич Крот ^{a, b, *}, Анатолий Иванович Нарезный ^b

^a Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ), Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена разработке концепции правительственной политики в отношении Западного края в первой половине 60-х годов XIX века, когда страна вступила в период широких модернизационных трансформаций. Противоречивость и нерешительность политики имперских властей в отношении одной из наиболее «проблемных» окраин в первые годы царствования Александра II во многом способствовала обострению ситуации в регионе, что привело к началу открытого восстания в Польше в начале 1863 года. Вследствие этого в воссозданном Западном комитете ведется полемика по вопросу о выработке новой модели управления Западным краем, одним из наиболее активных участников которой был министр внутренних дел П.А. Валуев. Им была предложена компромиссная программа, ориентированная на интеграцию региона в единое имперское пространство, налаживание контактов с лояльной частью польской элиты, поддержку православного крестьянского населения и всестороннее укрепление русского начала в крае. Другой подход к данной проблеме отстаивал генерал-губернатор Западного края М.Н. Муравьев, являвшийся сторонником доминанты силовых методов и подавления польского начала в крае. В статье предпринят сравнительный анализ основных положений указанных концепций, изложенных в записках, которые были рассмотрены на заседаниях Западного комитета. Он позволил установить наличие внутреннего идейного единства данных подходов при различном понимании методики их реализации. Авторы приходят к выводу о том, что Валуев выстраивал свою концепцию политики в отношении Западного края в едином контексте с общим процессом модернизации России, поскольку ее успех во многом связывался им с необходимостью реорганизации правительственного аппарата Российской империи и успешностью планируемых и проводимых в России преобразований.

Ключевые слова: Российская империя, Западный край, Польша, Великие реформы 60–70-х гг. XIX века, Польское восстание 1863–1864 гг. Александр II, П.А. Валуев, М.Н. Муравьев, Западный комитет.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mnkrot@sfedu.ru (М.Н. Крот), ain@sfedu.ru (А.И. Нарезный)